

(создан еще в 1802 г.) Вскоре все сподвижники Наполеона, бывшие революционные генералы, офицеры и сановники, стали обладателями новых дворянских титулов. Многие монархисты во Франции и за ее пределами встретили восстановление монархии положительно, перейдя из лагеря роялистов в бонапартисты.

Прекрасно понимая, что пресса — это «четвертая власть», будучи еще первым консулом, Наполеон закрыл 60 из 73 парижских газет в 1800 г., а оставшиеся взял под контроль правительства. В период империи фактически действовала цензура прессы со стороны министра полиции Фуше. Последний создал мощнейшую полицию и разветвленную тайную службу.

? Вопросы

1. Как менялись общественно-политические воззрения генерала Бонапарта?
2. Какие обстоятельства, по вашему мнению, играли в этой перемене главную роль: объективные или субъективные?
3. Какие черты свойственны Наполеону Бонапарту как государственному деятелю в 1799–1801 гг.?
4. Перечислите основные реформы консулата.
5. Почему консулат завершился установлением империи? Какие объективные и субъективные причины вы видите?
6. Можно ли считать, что внутренняя и внешнеполитическая линия первого консула была итогом революции 1789–1799 гг.? Обоснуйте свой ответ.
7. Какие черты были характерны для людей из окружения Бонапарта? Как вы можете объяснить такое одновременное «соцветие талантов»?

7. ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

• Бедный, бедный Павел...

В юности, когда великого князя Павла воспитывал сторонник европейского просвещения Никита Иванович Панин, Павел разделял взгляды своего учителя. Сохранились сви-

*Император Павел I.
Гравюра конца XVIII в.*

детельства, что перед смертью Н.И. Панин молил наследника престола, чтобы тот, став императором, даровал России конституционную монархию. Павел обещал... Но отстраненный от участия в государственных делах матерью Екатериной II, постоянно подвергавшийся гонениям с ее стороны и насмешкам ее двора, Павел возненавидел все, что было связано с его матерью: и все ее начинания, и идеологию просвещения, почитательницей которой была Екатерина.

Однако уроки Панина не пропали даром. Павел был неплохо образован, он понимал, что в конце XVIII в. уже нельзя править, как прежде. Беда была в том, что он не мог понять: как надо править?

Его ненависть к временщикам и фаворитам прежнего царствования была вполне рациональной, но вскоре он завел своих «любимцев», и они, к примеру Аракчеев, были куда более неприятные в личном плане и не имели тех объективных заслуг перед Россией, коими отличались, к примеру, фавориты Екатерины II Г. Орлов или Г. Потемкин. В то время, когда в Европе французские революционные штывы насаждали равенство людей перед законом, Павел урезал привилегии русского дворянства, да-

рованные Жалованной грамотой 1785 г, но только затем, чтобы уравнивать своих дворян с прочими подданными перед лицом его произвола. Он мог лично ударить офицера, что «непоротому поколению» русских дворян, выросшему в царствование матушки Екатерины II, казалось дикостью.

Закон о трехдневной барщине 1797 г. вроде ставил вопрос об ограничении крепостного рабства, но за свое царствование, длившееся 4 года, 4 месяца и 4 дня, он раздавал государственных крестьян в дворянские руки куда интенсивнее, чем Екатерина II: 600 тыс. душ против 800 тыс. за 34 года правления императрицы.

Павел ввел цензуру, которая запретила ввоз в Россию не только любой книжной продукции, но и нот, которая контролировала покрой шляп и одежды. (Указ от 13.01.1797 запрещал носить: длинные панталоны, туфли с бантами, сапоги с отворотами, круглые шляпы. Все эти последние новинки тогдашней парижской моды были зачислены в символы революции — прим. сост.) По Петербургу гоняло 200 драгун, разбитых на разъезды, срывающих с модных денди круглые шляпы и подрезающих длинные штаны. Вся эта парижская мода была объявлена символом революционной «анархии». Павел искренне верил, что этой акцией он уподобляется Петру I, который, как и Фридрих II Прусский, были его идеалами монархов.

Из словарей было велено убрать слова «клуб», «общество» и т.д. Тайная экспедиция наводит ужас на общество. Точное число ссыльных из дворян во время царствования Павла неизвестно, но по амнистии Александра I было освобождено из ссылки 12 тыс. человек.

Осуждая дворцовые перевороты, частые в русской истории XVIII в., Павел увидел в них лишь незаконное стремление женщин царской семьи к власти и удовольствиям. Павел издал новый закон о престолонаследии (1797 г.), где отстранил женский пол от возможности занять трон, ввел строгий майорат, оговорив в законе права старшего сына. При этом, увидев однажды в комнате своего старшего сына Александра сочинение Вольтера «Брут», Павел приказал зачесть ему несколько раз отрывок из «Истории Петра Великого», где описывалась смерть царевича Алексея под пытками в застенке. Павел приблизил к себе Евгения Вюртембергского, возможную партию своей дочери Екатерины, и обдумывал, по слухам, план — не передать ли звание наследника русского престола этому немецкому принцу.

Капризный, непредсказуемый Павел даже самым лучшим, чистым и романтичным устремлениям своей натуры умудрялся придать гротескный характер. Так получилось с насаждением «рыцарских правил» в дворянской среде после провозглашения Павла, по просьбе Мальтийских рыцарей, протектором их Ордена.

Подозрительность Павла росла год от года. Он взял привычку иногда сам патрулировать ночные столичные улицы. Мрачная питерская легенда гласит, что однажды он нагнал долгового прохожего и заставил его обернуться. Сопровождавшие в ужасе отпрянули. Перед Павлом стоял призрак Петра I. «Бедный, бедный Павел», — произнес призрак и исчез. Дело было в начале марта 1801 г.

Британский историк о внутренней политике Павла I

Внутренняя политика Павла была далекоидущей: он совершил замечательные преобразования в структуре местного управления, установленной Екатериной в 1775 г., реорганизовал работу Сената... и попытался улучшить финансовую ситуацию в России, кроме всего прочего установлением Банка помощи дворянству. Он также был за ограничение барщины и рабочих дней, установленных для крепостных их хозяевами (максимум до трех дней в неделю). Решение Павла о крепостном труде не могло полностью изменить положение крепостных в России... и было игнорировано на практике. Тем не менее оно увеличило опасение знати, что это только первый шаг к освобождению крепостных, который в итоге мог стать концом их привилегий и послужить толчком к социальному взрыву. (Граф Семен Романович Воронцов (русский посол в Англии — прим. сост.) боялся, что политика Павла «бросит Россию в огромную революцию, порождающую миллионы Стенок Разиных и Пугачевых».)

(Д.М. Хартли. Александр I. С. 34.)

*Виктор Козубей.
Худ. Ф.П.С. Жерар*

*Дарья Христофоровна Ливен.
Портрет 1814 г.*

*Адам Юрий Чарторыйский.
Неизв. худ. кон. XVIII в.*

• **Из высказываний Павла I¹**

«Дворянин в России лишь тот, с кем я разговариваю и пока я с ним говорю!»

Реплика на совет, данный Павлу фельдмаршалом Репниным по какому-то военному вопросу: «Господин фельдмаршал, видите эту кордегардию? Здесь четыреста человек. Одно мое слово, и все они станут маршалами».

• **Настроения высшего русского общества. Летопись в письмах**

«Нельзя описать тот ужас, в котором мы теперь живем в Санкт-Петербурге... Правдивые или ложные, но открытые обвинения не остаются без внимания. Казематы полны заключенными. Черная меланхолия овладела всеми... Плакать родителя грех. Посещать неудачного друга значит становиться изгоем общества. Муки, которые испытывают люди, невероятны».

(Из письма В. Козубея.)

«Наша прекрасная столица, по которой мы расхаживали так же свободно, как циркулирует по ней воздух, не имевшая ни ворот, ни часовых, ни таможенной стражи, превратилась в огромную тюрьму, куда можно проникнуть только через калитки; во дворце поселился страх, и даже в отсутствие монарха нельзя пройти мимо не обнажив голову; красивые и широкие улицы опустели; старые сановники допускаются во дворец для несения службы не иначе как предъявив в семи местах полицейские пропуска».

(Из письма графа Ф.Г. Головкина.)

«Крепость переполнена; за последние шесть недель больше сотни гвардейских офицеров брошены в тюрьму».

(Из письма графини Д.Х. Ливен)

«в заговоре против Павла состоит вся страна... от страха, по убеждению или с надеждой.

(Адам Чарторыйский.)

«Вдруг мы переброшены в самую глубину Азии и должны трепетать перед восточным деспотом, одетым, однако же, в мундир прусского покроя, с претензиями на новейшую французскую любезность и рыцарский дух средних веков».

(Из мемуаров Ф.Ф. Вигеля.)

«Человеку разумному (в царствование Павла — прим. сост.) оставался только один выход — смерть».

(Российский офицер Ф.В. Остен-Сакен.)

¹ Цитаты приводятся по книге: А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 43, 53–54

Кочубей Виктор Павлович (1768–1834)

Один из друзей Александра I, граф с 1799 г., в будущем известный государственный деятель, посланник в Турции в 1792–1797 гг., вице-канцлер с 1798 г., в 1801–1802 гг. управляющий Коллегией иностранных дел. Сторонник умеренных реформ, в 1801–1803 гг. при Александре I будет членом Негласного комитета автор проектов государственных преобразований. С 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

Дарья Христововна Ливен (1785–1857)

Дочь рижского военного губернатора Х.И. Бенкендорфа. После смерти матери (1797) воспитывалась с сестрой в Смольном институте под опекой самой императрицы Марии Федоровны, жены Павла I. Императрица пыталась выдать ее за Аракчеева, чем привела в ужас. В итоге подыскали иного жениха – любимца Павла I, 26-летнего военного министра, графа Х.А. Ливен. Дарья была прекрасно образована, говорила на четырех языках, изучала музыку и танцы. С 1799 г. фрейлина императрицы. Повсюду сопровождала императорскую семью. Имела роман с великим князем Константином Павловичем. В будущем, после Аахенского конгресса 1818 г., супруга русского посла в Лондоне графиня Дарья (Доротей) Ливен стала одной из главных теневых фигур в реализации российской внешней политики в период Священного союза.

Князь Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861)

Двоюродный брат последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского, страстный польский патриот, в котором поляки видели достойного претендента на польский трон, несмотря на упорные слухи, что настоящим отцом Адама был русский посол в Речи Посполитой Н.В. Репнин. В юности Адам Чарторыйский попытался принять участие в восстании Костюшко (1794), но австрийские власти его опередили, арестовав в Брюсселе. Владения Чарторыйских находились в той части Речи Посполитой, которая отошла к России. Екатерина II пригрозила конфисковать их, если Адам и его брат Константин не поступят на русскую службу, на что и пошли братья. В Петербурге Адам сошелся с любимым внуком Екатерины II – Александром, и первое время имел огромное влияние на великого князя. Павел I осуждал эту дружбу и в 1798 г. сослал Чарторыйского в почетную ссылку русским посланником в Сардинию. После свержения Павла Адам член Негласного комитета, министр иностранных дел России в 1804–1806 гг. В конце царствования Александра, так и не дождавшись от царя предоставления независимости Польше, стал относиться к Александру отрицательно. В таком духе и представит образ царя в своих мемуарах.

Филипп Филиппович Вигель (1786–1856)

Известный русский мемуарист (полное издание «Записок» Ф.Ф. Вигеля в семи частях, М., 1892). Его отец Филипп Лаврентьевич, тайный советник, пензенский гражданский губернатор с 1801 г., происходил из шведских финнов. Мать была из дворянского рода Лебедевых. Ф.Ф. Вигель входил в Арзамаский кружок, был приятелем А.С. Пушкина. В молодости придерживался либеральных взглядов, при Николае I стал консерваторм.

Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен (1752–1837)

Российский остзейский дворянин из Эстляндии. Позже прославится в Заграничном походе русской армии (1813–1814).

- **Впечатления иностранных наблюдателей от России Павла I¹**

“Император буквально не в своем уме...”

(Из депеши английского посла Чарльза Уитворта, в период еще прочного союза Англии и России во Второй коалиции)

“Император не был душевнобольным в полном смысле слова, но он постоянно находился в напряженном и экзальтированном состоянии, которое опаснее настоящего безумия, ибо ежедневно он по своему произволу распоряжался благосостоянием и жизнью миллионов людей».

(Из высказываний Евгения Вюртембергского.

Этот немецкий принц, племянник императрицы Марии Федоровны, двоюродный брат Александра I, 13-летним посетил Россию в 1801 г. и очень понравился Павлу. В дальнейшем Евгений прославился как один из лучших пехотных генералов. Участвовал в войнах с 1806 по 1814 г.)

*Принц Евгений Вюртембергский.
Грав. Райта с порт. Дж. Дю*

¹ Цитаты приводятся по книгам: Д.М. Хартли. Александр I. С. 33. А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 53–54.)

• Умонастроение великого князя Александра Павловича

Летопись в письмах

Александр – В. Жозубею, 10 мая 1796 г.

Портрет Великого князя Александра Павловича. Худ. В.А. Боровиковский, 1796 г.

“Да, милый друг, повторяю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например князь Зубов, Пасек, князь Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже и называть... одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом...”

В наших делах господствует невероятный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно... Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно честным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и изучении природы».

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 29.)

Адам Чарторыйский о своем первом впечатлении от знакомства с великим князем Александром

“Сознаюсь, я ушел пораженный, глубоко потрясенный, не понимая, что это — сон или действительность. Как! Русский князь, будущий преемник Екатерины, ее внук и любимый ученик, которого она хочет, отстранив сына, видеть царствующим после себя... этот князь отрицательно отзывался о политических принципах своей бабки, отвергал недостойную внешнюю политику России, страстно любил справедливость и свободу, жалел Польшу и хотел видеть ее счастливой! Не чудо ли это было?»

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 29–30.)

Адам Чарторыйский о взглядах Александра I в 1796–1801 гг.

“Его взгляды были теми первыми ступеньками к идеям 1789 г., которые жаждали видеть всюду республику и указывали на эту форму правления как на одну единственную, соответствующую желаниям и правам человечества...”

“Я постоянно старался умерить экстремальные взгляды Александра. Он, между прочим, утверждал, что наследственная монархия — институт незаконный и абсурдный и что верховный авторитет должен принадлежать не случаю рождения, а только голосу народа, который знает лучше всех, кто именно способен руководить им».

(Д.М. Хартли. Александр I. С. 28.)

*Супруга Александра Павловича
Великая княгиня
Елизавета Алексеевна.
Худ. М.-Л.-Э. Виже-Лебрэн. 1801 г.*

*Великий князь Александр Павлович.
Худ. М.-Л.-Э. Виже-Лебрэн. 1801 г.*

*Фаворитка Александра Павловича
Мария Нарышкина.
Худ. Грасси. 1807 г.*

Великий князь Александр

Будущий Александр I Благословенный родился 12 декабря 1777 г. Он был старшим сыном великого князя Павла Петровича и его второй супруги Марии Федоровны. Бабушка Александра – Екатерина II сразу же забрала его у родителей и воспитывала, желая сделать из него в будущем идеального просвещенного монарха и человека исключительных моральных качеств.

Сама Екатерина II до разгара Великой Французской революции была горячей поклонницей всех идей просвещения, о чем свидетельствует ее обширная переписка с Вольтером, Руссо и другими идеологами данного интеллектуального течения. Неудивительно поэтому, что она поручила своего любимого внука Фредерику Сезару Лагарпу, швейцарскому просветителю, в будущем одному из вождей революционной Лозанны, первому президенту кантона Во. Интересно, что сначала Лагарп был приглашен на должность учителя французского языка. В России он нашел убежище от преследований со стороны французского абсолютизма. Заметив исключительную привязанность к себе воспитанника, Лагарп осмелился сам просить у Екатерины более высокой роли при Александре. В итоге Александр получил блестящее образование, говорил на нескольких европейских языках, разделял республиканские взгляды своего учителя, идеалы эпохи просвещения. От военного учителя Николая Салтыкова великий князь, помимо военных навыков, приобрел знание традиций русской аристократии. Павел, которого Александр и его брат Константин посещали не часто, но регулярно, привил Александру любовь к парадам и, как ни странно, совмещение абстрактной заботы о подданных с практической заботой о конкретных ближних людях.

Екатерина II считала своего сына Павла Петровича неспособным занять престол и даже составила осенью 1796 г. черновик указа, передающего право наследования русского трона ее внуку. Лишь неожиданная смерть Екатерины в ноябре 1796 г. не позволила совершиться этому ее намерению. Между тем, сам Александр не имел вкуса к верховной власти, до бабки доходили слухи, что ее любимый внук мечтает никогда не быть монархом. Это страшно огорчало царственную бабку. Она даже пыталась привлечь Лагарпа к убеждению Александра в том, что именно он, в обход отца, должен стать новым русским императором. Екатерина II знала ненависть Павла к «якобинцу-Лагарпу», потому не ожидала, что встретит препятствие со стороны Лагарпа в данной просьбе-приказе. Однако честный Лагарп отвечал, что никогда не встанет между сыном и отцом. Да и сама Екатерина в свое время замечала, что он, Лагарп, должен воспитывать в Александре прежде всего Человека. Позиция Лагарпа обернулась для него отставкой и отъездом из России, что оказалось трагедией для Александра. Но он еще ребенком, зажатый между двух огней – ненавидящих друг друга бабушкой и отцом, привык скрывать свои истинные чувства, владеть эмоциями, лукавить, играть любую роль. Последнее ему особенно удавалось. Александр умудрялся нравиться всем практически с первого взгляда.

Душа же его находила утешение в обществе друзей, молодых свободолюбивых аристократов, и жены. Готовя Александра к роли наследника, Екатерина II женила его на баденской принцессе Луизе Марии Августе, в православии Елизавете Алексеевне. Это случилось 17 сентября 1793 г., когда великому князю еще не было и 16 лет, а невесте минуло 14. Елизавета была образованная, нежная и красивая девушка. Она тоже не хотела царствовать, это помогло молодым людям сблизиться, но Александр питал к Елизавете скорее дружеские чувства, разделяя, как и многие просвещенные люди XVIII в., идею полной свободы супругов в их личной жизни. Елизавету, влюбленную в своего мужа, это обижало, но именно она стала первой, кто изменил в этом браке. Возлюбленным Елизаветы стал друг Александра Адам Чарторыйский. Александр только поощрял такой оборот событий. Видимо, Адам Чар-

торыйский и являлся отцом первой дочери Елизаветы – Машеньки, умершей младенцем. Впоследствии отношения Александра и Елизаветы были очень сложными и противоречивыми, супруги то сближались, то отдалялись и «нашли друг друга» только в конце жизни. Александр заводил множество чаще всего «платонических романов», а на их фоне долгое время (более 15 лет) его настоящей возлюбленной («второй женой») являлась Мария Нарышкина, урожденная польская княжна Святополк-Четвертинская.

В 1797–1801 гг. Павел, недовольный ни сыном, ни его женой, ни его друзьями, в конце концов, отправил главного из них – Чарторыйского – в почетную ссылку посланником в Сардинию, чем несказанно огорчил и Елизавету, и Александра. Были отосланы и другие друзья наследника, а сам он с начала 1801 г. вместе с братом Константином находился у отца в полуопальном положении.

При вступлении Павла на престол Александр не высказал недовольствия. Он был назначен военным губернатором Санкт-Петербурга (1797), с 1798 г. заседал в Сенате, был членом Высшего Совета и президентом Военной коллегии, почетным полковником Семеновского полка, но все это было формальностью – не более. Отец совершенно не учитывал его мнения и на деле требовал от него скорее службы обычного строевого младшего офицера, все время занятого муштрой солдат на плацу. Помощником бедного принца в этом деле стал любимец отца Аракчеев.

Александр – Ф. Лагарпу, своему бывшему воспитателю, 27 сентября 1797 г.

“Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более. Военные почти все свое время теряют на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строгого плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается...

Наконец, чтобы сказать одним словом — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершаются здесь...

Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составляющим мое любимое времяпрепровождение; я сделался теперь самым несчастным человеком.

Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего Отечества заставляет меня придать своим мыслям иное направление. Мне думается, что если когда-нибудь придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только бы конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль. Я поделился ею с людьми просвещенными, со своей стороны много думающими об этом. Всего-навсего нас только четверо, а именно: Новосильцев, граф Строганов, молодой князь Чарторыйский, мой адъютант, выдающийся молодой человек, и я...»

(А. Труайя. Александр I, или Северный сфинкс. С. 47–48.)

• «Охота» на Павла I

Заговор Н.П. Панина

Деспотизм Павла воспринимался русским дворянским обществом вдвойне тяжело, ибо он следовал за «золотым веком» русского дворянства, когда личная свобода и отмеченная ревностная служба присутствовали. Решительные люди стали подумывать о заговоре. Первоначально они группировались вокруг Н.П. Панина, племянника Н.И. Панина, воспита-

теля Павла. Как и дядя, Никита Петрович слыл человеком чести и просвещенных взглядов, служебный долг (а он был вице-канцлером) был для него на первом месте. Именно последнее и заставило думать Панина о перевороте. По мысли Никиты Петровича, внешнеполитическими союзниками России являлись Австрия и Англия. Францию и Бонапарта периода консулата он подозревал, и как показало будущее небезосновательно, в непомерных амбициях, в желании установить свое монопольное господство в Европе. Россия, как великая европейская держава, не могла такого допустить. В аналогичном положении оказались и Англия с Австрией. Резкий поворот Павла к союзу с Наполеоном, мог означать раздел международного господства между Россией и Францией, но Панин в такой итог дружбы с Наполеоном не верил. Безответственная выходка императора, направившего казаков «завоевывать Индию», шокировала всех думающих людей в России, а Панин увидел в ней угрозу превращения страны в международное «посмешище».

Другие участники заговора руководствовались более приземленными личными карьерными соображениями. Здесь были граф Петр фон Пален, генерал-губернатор Петербурга, остзейский дворянин, член Коллегии иностранных дел и директор почт; Платон Зубов, последний фаворит Екатерины II, с братом, генерал Леонтий Беннигсен, немец на русской службе; неаполитанец Иосиф Рибас, адмирал на русской службе; и некоторые другие.

Центром заговора являлся салон Ольги Жеребцовой, сестры Зубовых, любовницы британского посла Уитворта, который и морально, и, возможно, деньгами, поддерживал эту затею. Наполеон ошибочно полагал, что вообще весь заговор создали англичане в лице Уитворта.

Заговор П.А. Палена

Павел почувствовал опасность и разгромил первый заговор. Панин, лишенный должности, попал в опалу, братья Зубовы сосланы, Рибас умер от тяжелой болезни, Уитворт выслан из России, а Жеребцова сама ушла в тень.

Тогда за дело взялся прагматичный и холодный Пален. Его сын арестован, но он лишь благодарит государя за это. Павел спрашивает, знает ли Пален о заговоре против его императора? Пален отвечает: «Да! И я его возглавляю, как иначе я буду отслеживать все ходы заговорщиков?» Эксцентричный Павел от подозрительности бросается к полному доверию к такому хитрому и умному ходу. Пален разжигает сомнения императора относительно причастности к заговору Александра с Константином и с удовольствием наблюдает, как Павел начинает третировать своих детей. Им же, особенно Александру, Пален напоминает о долге перед страдающим Отечеством — игрушкой в руках безумца, недвусмысленно намекает, что Павел готовит Александру заточение.

*Петр Алексеевич Пален губернатор
Петербурга.
Худ. неизвестен. Наз. XIX в.*

*Князь Платон Зубов.
Грабюра с портрета Ложалостина*

*Леонтий Леонтьевич Беннигсен.
Грабюра с портрета Кука*

ГЛАВА 1. Франция, Россия и Европа на рубеже столетий

В итоге великий князь Александр фактически дает согласие на переворот. Он «верит», что ни один волос не упадет с головы отца, он лишь будет отстранен от власти по причине душевной болезни, а он, Александр, станет лишь регентом при отце, как это случалось не раз в западноевропейской истории, как было тогда в Англии.

Пален заручается поддержкой видных фигур: командира Преображенского полка П.А. Талызина, командира Семеновского полка Л.И. Депрерадовича, командира кавалергардского полка Ф.И. Уварова, полкового адъютанта Михайловского замка А.В. Аргмакова и др.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. две группы заговорщиков — одна под руководством Беннигсена, другая — самого Палена, движутся к Михайловскому замку, недавно построенной в средневековом духе резиденции Павла. Пален по пути отстает, переворот производит Беннигсен. Перепуганный Павел, найденный заговорщиками за ширмой, отречение подписывать отказывается. Кто-то (потом называли Зубова) кидает в царя тяжелую табакерку, а один из офицеров душит царя шарфом.

«Перестаньте ребячиться. Ступайте царствовать...»

Пален, узнав об исходе дела, идет к Александру. Наследник престола сидит, прижавшись к жене и пряча лицо. Его уже гнетут угрызения совести. С первых слов: «Ваше Величество!», он понимает, чем все кончилось, и его охватывает ужас. «Я не смогу жить с этим, у меня нет сил править. Пусть кто-нибудь еще возьмется за это», — бросает он Палену и раздражается рыданиями. Мать, императрица Мария Федоровна, не хочет с ним разговаривать. Она вдруг сама выражает намерение подняться на трон. Все споры прекращает реплика Петра Алексеевича Палена: «Государь, перестаньте ребячиться. Ступайте царствовать. Покажитесь гвардии...»

Собравшись с силами, Александр, отныне император, выходит к войскам и обращается к ним со словами: «Батюшка скоропостижно скончался апоплексическим ударом. Всё при мне будет, как при бабушке, императрице Екатерине». Гвардия отвечает громовым «Ура!»

Мгновенно проснувшаяся столица ликует, раскуплено все шампанское. Кроме императрицы Марии Федоровны, никто не оплакивает убитого Павла I. Это немного успокаивает Александра, но всю жизнь его будет мучить чувство вины, его совесть знает — он цареубийца и отцеубийца.

? Вопросы

1. Каковы были причины недовольства Павлом в русском обществе?
2. Чем руководствовались заговорщики?
3. Сравните происки французского подполья и заговоры Панина и Палена? В чем сходство и в чем различие? Можно ли их назвать однопорядковыми явлениями общественно-политической жизни?
4. Можно ли сказать о Бонапарте и когорте его сподвижников и об Александре с его молодыми друзьями, что они люди одной эпохи?

Русские гвардейские солдаты и офицеры начала XIX в. Художник О.Ж. Пархаев. 1987 г.